

25 января (7 февраля)

Священномученик
Петр (Зверев),
архиепископ Воронежский

Священномученик Петр родился 18 февраля 1878 года в селе Вешняки Московского уезда в семье священника и в крещении наречен был Василием. Его отец, Константин Зверев, служил сначала в храме Воскресения Словущего в селе Вишняки под Москвой, а затем был назначен настоятелем храма святого благоверного великого князя Александра Невского при доме московского губернатора. После убийства генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича отец Константин перешел служить в Сергиевский храм при Чудовом монастыре в Кремле.

У отца Константина и его жены Анны было четверо детей: три сына – Арсений, Кассиан и Василий и дочь Варвара. Характеры братьев определились с детства и были весьма различны. Арсений любил писать разные бумаги – и стал чиновником. Кассиан играл в войну – и стал офицером, был убит на фронте в 1914 году. Василий любил играть в церковную службу.

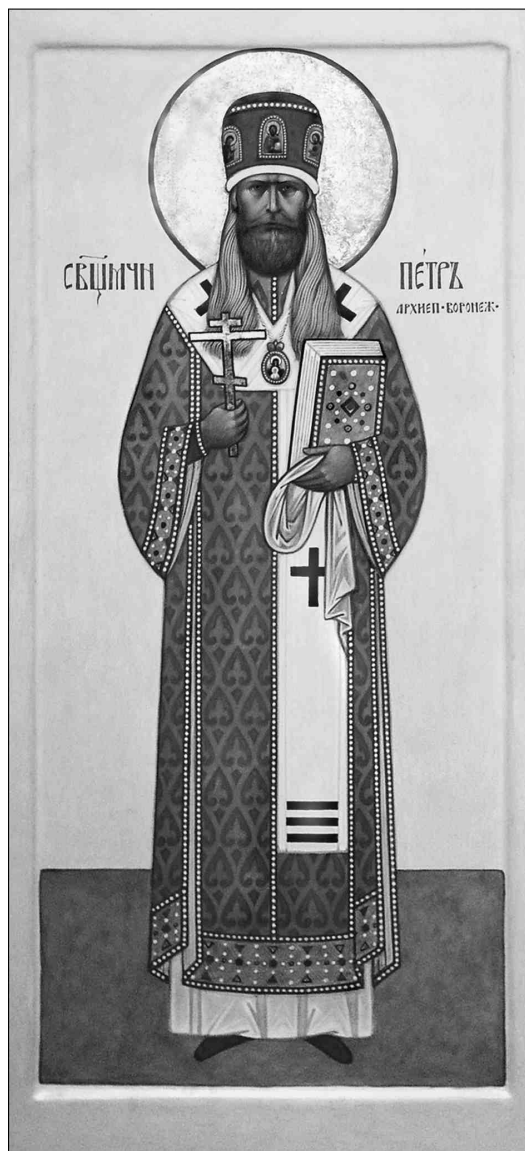
В раннем детстве он торопился попасть к началу богослужения в приходской храм в Вишняках, и на службу ходил всегда вместе с отцом. Звонарь, видя идущего священника, ударял три раза в колокол, и мальчик считал, что два раза звонят отцу, а третий – ему.

Впоследствии он иногда рассказывал о себе детям в назидание. «В детстве я был очень толстый и пухлый, и взрослые любили меня тискать, а я этого не любил и вел себя соответственно. И вот вижу сон. Сидит за столом Спаситель в синей и красной одежде и держит меня на руках. А под столом – страшная собака. Спаситель берет мою руку и протягивает под стол собаке со словами: “Ешь ее, она дерется”. Я проснулся, и с тех пор уже никогда не дрался, а во всем старался себя сдерживать, не сердиться и не делать ничего дурного. Вам, мальчишкам, всегда хочется попробовать курить. А у нас отец строгий был, он нам однажды сказал: “Если кто будет курить, губы оторву!” Но попробовать все-таки хотелось. Выкурил я папиросу и пошел в церковь. Было Прощеное воскресенье. Запели: “Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя...” Это было самое мое любимое песнопение. Но тут у меня нестерпимо закружилась голова, и пришлось мне выйти из храма. С тех пор я уже не пробовал курить».

В 1895 году Василий окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1898 году он подал прошение с просьбой зачислить его на первый курс Казанской Духовной академии, и после проверочных испытаний совет Казанской Духовной академии постановил принять его в число студентов.

19 января 1900 года ректор Казанской Духовной академии епископ Антоний (Храповицкий) в академическом храме постриг Василия в монашество, нарекиши ему имя Петр, в честь святого апостола Петра. В качестве старца восприемника в Казанской академии в те годы присутствовали или иеромонах крестовой церкви Пантелеимон, или схиархимандрит Седмиозерной Богородицкой Вознесенской пустыни Гавриил (Зырянов). После пострига епископ Антоний преподавал новопостриженному назидательное поучение, и тот в преднесении свечей и в

сопровождении иночествующей братии отправился в свою келью, где епископ Антоний, вручая ему икону, сказал слово поучения на новую жизнь. 23 января 1900 года монах Петр был рукоположен во иеродиакона, а 15 июня того же года – во иеромонаха.

Священномученик Петр

В 1902 году иеромонах Петр был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии за сочинение «Экзегетический анализ первых двух глав Послания апостола Павла к Евреям». 4 сентября 1902 года он был назначен преподавателем Священного Писания в Орловскую Духовную семинарию, но указ был отменен и 27 сентября того же года перемещен на новоучрежденную должность московского епархиального противосектантского миссионера с причислением его к братству Троицкого митрополичьего подворья Троице-Сергиевой Лавры. 30 декабря 1902 года он был назначен исполнять должность настоятеля в новоосвященный в тот же день Князь-Владимирский храм при Московском епархиальном доме, основанном трудами и заботами митрополита Московского Владимира (Богоявленского). Сюда стекались основные духовные силы, здесь проповедовали лучшие проповедники Москвы,

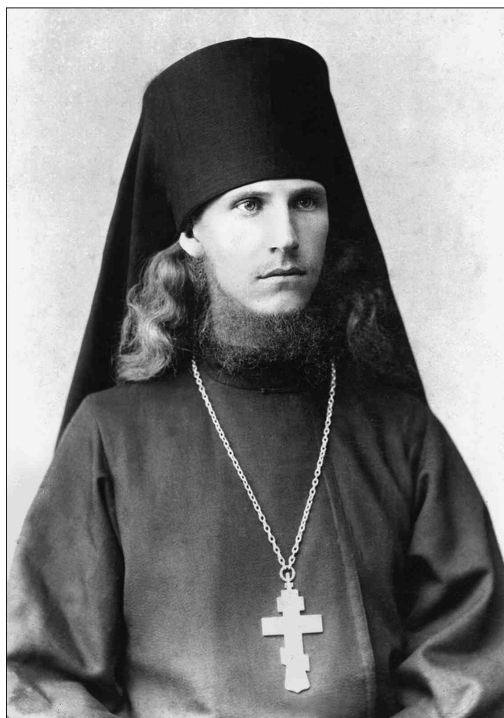
среди которых иеромонах Петр занял достойное место. Уроженец Москвы, знавший московскую паству еще по приходу отца, столкнувшись с новыми проблемами, когда множество людей оказались не просвещенными светом православия, он ревностно взялся за дело: часто служил и за каждым богослужением проповедовал; двери его квартиры в Епархиальном доме были всегда открыты для вопрошающих, и бывало, что последние посетители уходили от него за полночь, а утром иеромонах Петр уже торопился на богослужение.

Митрополит Владимир, видя ревностное служение молодого пастыря, рекомендовал его на вакантное место инспектора Новгородской Духовной семинарии, куда тот и был назначен 30 июня 1906 года.

Однако враг спасения рода человеческого – диавол через злых людей восстал на подвижника, – они стали клеветать на иеромонаха Петра. Почти каждый месяц обер-прокурор Святейшего Синода получал анонимные доносы. В доносах клеветники среди прочего писали, что иеромонах Петр насадитель разврата, лжемонах, скрывающийся под личиной святого, и они никогда не допустят продвижения его по иерархической лестнице: «с него снимем митры, собьем ее в церкви... потому что он... хотел... надеть золотую шапку, но этого не позволим, не допустим – мы доставим ему счастье проехаться на Соловки...»

Для того, чтобы придать своей клевете характер достоверности, клеветники написали от лица некой знакомой отцу Петру женщины подложное письмо.

Обер-прокурор переслал анонимные доносы архиепископу Новгородскому Гурию (Охотину) с просьбой разобраться. После беседы с иеромонахом Петром архиепископ выслал свое заключение по этому делу обер-прокурору Синода, а также и Московскому митрополиту Владимиру, вопрошая его, «не есть ли все, сообщаемое в заявлениях, одна клевета, выдуманная на почве враждебных отношений... некоторых лиц или под влиянием так называемого освободительного движения, вследствие которого часто выдумывают ложь против духовенства вообще и в частности монашества...».

Иеромонах Петр. 1900 год

Переслал владыка и письмо женщины, которая, узнав, что от ее лица рассылаются подложные письма, написала отцу Петру:

«Добрейший отец Петр! Вашим известием крайне поражена; ни в Святейший Синод, ни Обер-Прокурору и ни кому другому решительно не писала никаких заявлений, тем более гнусного содержания, да и не имею к тому никаких оснований. Видно, враги Ваши всячески стараются повредить Вам, раз решились на подлог, – вот до чего доводит злоба людей. Надеюсь, Вы уверены в добрых моих к Вам чувствах и никогда не поверите клевете. Скорблю, что враги Ваши пользуются моим именем для причинения вам горечи и нравственных страданий...»

«Что касается до жизни иеромонаха Петра в Новгороде со времени прибытия его на должность инспектора Новгородской семинарии, – писал архиепископ Гурий обер-прокурору Синода, – то могу свидетельствовать, что жизнь его вполне... соответствует его иноческому званию».

Доносы продолжались в течение двух лет. Иеромонах Петр написал прошение об увольнении его от должности инспектора Новгородской семинарии.

В апреле 1907 года архиепископ Новгородский Гурий направил в Синод ходатайство о назначении иеромонаха Петра настоятелем Моденского монастыря, а епископ Саратовский Гермоген (Долганев) – о назначении его наместником Преображенского монастыря в Саратове.

Слухи о том, что иеромонаха Петра собираются назначить наместником одного из монастырей, вызвали новые анонимные доносы, причем на этот раз авторы угрожали опубликовать свои доносы в газетах.

5 декабря 1907 года иеромонах Петр получил письмо от доносчика: «Если хотите прикончить это дело, то пришлите триста рублей денег... К полиции не обращайтесь...»

Это письмо отец Петр передал архиепископу Гурию, а тот переслал его митрополиту Владимиру, который отписал товарищу обер-прокурора Святейшего Синода, ведшему дело: «По упомянутой переписке не было назначено расследование ввиду анонимного ее характера».

3 июля 1909 года Святейший Синод назначил иеромонаха Петра настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в городе Белеве Тульской епархии.

Монастырь находился недалеко от Оптиной пустыни, и отец Петр имел постоянную возможность общаться с оптинскими старцами. Старцы в свою очередь высоко оценили духовную настроенность настоятеля и стали направлять к нему людей для духовного руководства. Отец Петр часто бывал в Саровском и Дивеевском монастырях, особенное доверие имея к блаженной Прасковье Ивановне Дивеевской, и та платила ему ответным расположением. Блаженная подарила ему своей работы холст, из которого впоследствии сшили архиерейское облачение, и он бережно хранил его, предполагая быть в нем погребенным.

В воскресенье 8 августа 1910 года епископ Тульский и Белевский Парфений (Левицкий) в крестовой церкви возвел отца Петра в сан архимандрита.

19 октября 1910 года в Белеве по инициативе председателя уездного отделения Училищного совета архимандрит Петр прочел лекцию на тему «Старчество и старец Амвросий Оптинский как главный его представитель». Лекция имела огромный успех, и присутствовавший на ней епископ Парфений обратился к слушателям со словом, в котором выразил свою радость по поводу столь многочисленного собрания, свидетельствующего, что люди в Белеве живут не

одними земными заботами, но интересуются и вопросами религиозными.

В день празднования Казанской иконы Божией Матери в монастыре состоялось торжественное освящение Спасо-Преображенского собора, который к этому времени стараниями настоятеля был тщательно отремонтирован и украшен.

Архимандрит Петр не ограничивал своего служения стенами вверенной его попечению обители, но часто посещал сельские храмы Белевского уезда. Один из свидетелей так описывает его служение в селе Песковатом: «18 и 19 мая 1913 года навсегда останутся в памяти прихода. Слава о служении архимандрита Петра, ласковом, внимательном обращении с простым народом создали ему громадную популярность не только в Белевском уезде. Крестьяне, как последнее сословие, нуждаются в помощи, и особенно в духовной. Они приходят к отцу Петру с просьбами помолиться о них, иногда поговорить и рассказать о своем воистину горьком житие. И никто не уходит от отца Петра неутешенным. Архимандрит Петр приехал в село к шести часам вечера, и сразу же началась всенощная. С ним приехал хор из десяти девочек.

Храм в селе Песковатом стоит на горе, над Окой. Рядом сосновый бор. Настежь открыты все двери храма. Солнечные лучи скользят по бесчисленным рядам народа, не поместившегося в церкви. Нет привычного перешептывания и безучастности к службе. Знакомые молитвы поются всем народом. Во время пения “Слава в вышних Богу...” все опускаются на колени. Великие слова, масса коленопреклоненных людей, молящихся всем сердцем, всем помышлением, до того умиляют и умиротворяют, что невольно молишься.

Архимандрит Петр

Сгущались сумерки. На паперть вышел архимандрит Петр и направился к дому священника, и за ним весь народ, певший “Христос воскрес”. И далеко по округе разносилось это радостное пение.

На следующий день была отслужена литургия. Народа было еще больше, чем накануне. После отпуска архимандрит Петр вышел на амвон и стал говорить. Простые слова, ясный взгляд. Он говорил о Христе Спасителе, об убожестве храма в приходе и, наконец, перешел к обличению ересей. Больше всего он говорил о местных сектантах – скопцах и хлыстах. Ярko и убедительно архимандрит Петр опровергал то, что сектанты ставили себе в заслугу и оправдание, он обрисовал картину фальши, себялюбия, тунеядства, изуверства, вреда для тела и для души, который, по своему невежеству и фанатичному ослеплению, причиняют эти секты своим сторонникам. Во время проповеди один из скопцов протиснулся к выходу и понуро поплелся домой. Впечатление от проповеди было громадное».

Во время одной из эпидемий, случившихся в ту пору, архимандрит Петр обратился к населению с особым словом: «Все еще из разных мест получают сообщения о том, что по стране нашей распространяются заразные болезни, которые уносят в могилу целые тысячи людей. Неудивительно, что при столь страшном явлении люди приходят в беспокойство и стараются придумать всевозможные средства, чтобы отклонить от себя надвигающуюся грозу... Но вот горе наше, что мы изобретаем всё не то средство, которое бы действительно нас избавило от ужасной, никого не милующей болезни. Мы стараемся пользоваться разными сыворотками и прививками... Все комиссии и подавляющее большинство частных людей только совершенно оставляют в стороне духовное начало в человеке – его душу, только не желают о ней подумать, да, впрочем, они и не могут желать думать о ней, так как, кажется, и не подозревают, что она у них есть и нуждается в попечении гораздо более, чем тело... Они так далеки стали от всего духовного, что не могут поверить, что главное и единственное зло всех болезней, несчастий и страданий на земле есть грех, который и надо уничтожать, с которым и нужно бороться во что бы то ни стало, всеми силами, как бы трудно это ни было. А все эти вибрионы, микробы и бациллы – только орудие и средство в руках Промысла Божия, ищущего спасения души человеческой. Знает Бог, что дорога нам земная жизнь, что дорого нам тело, и вот на это-то и направляет Свои удары, чтобы мы опомнились и раскаялись. Посылая мор на людей, Господь тем самым напоминает нам всегда иметь пред глазами своими смерть, а за нею и Страшный Суд, за которым последует вечное наказание нераскаянных грешников... К Нему-то и нужно прежде всего обращаться с молитвою о помиловании и об отвращении праведного гнева Его. Но, молясь, надо стараться быть достойными милости Божией. Необходимо сознать грехи свои, раскаяться в них, решиться вести жизнь свою согласно заповедям евангельским. С покаянием должно соединить пост и воздержание, должно отказаться хоть на время от разных удовольствий, игрищ, зрелищ и праздного времяпровождения. Но как-то страшно становится от того, что видишь вокруг: с одной стороны, как будто и боятся заразных, губительных болезней, страшатся смерти и в то же самое время предаются необузданному веселью, забавам, зрелищам, совершенно забывая свои священные обязанности по своему званию православных христиан... Хотя уже бесконечное число раз говорено и переговорено о том, что наша интеллигенция далека от народа и не знает и не понимает его, но еще раз хочется крикнуть так, чтобы услышали наконец, кому слышать надлежит: “Да постойте, Бога ради, будьте добросовестны и беспристрастны, сойдите с высоты своего

величия и прислушайтесь к тому, что говорит народ!.. Пощадите, пожалейте душу народную! Вы толкуете о просвещении, вы скорбите, что народ наш темен, вы строите школы, а сами в то же время вносите тьму в среду его, развращаете его, заменяете истину Христову ложью язычества, содействуете возвращению народа к нравам языческим!.. И как не быть смертоносным язвам в стране нашей, когда мы отступаем от Бога и навлекаем на себя Его праведный гнев?! Еще удивляться надо безмерному долготерпению Божию, что Он милостиво карает нас, надо горячо благодарить Его, что не погубляет нас окончательно, и слезно умолять Его, чтобы Он не дал осуществиться злему делу и открыл сердечные очи тем, кому вверено попечение о душе народной. Покаемся же все и исправимся и обратимся к Богу, от Которого отступили!”».

Как всякого подвижника и человека глубокой веры, архимандрита Петра интересовал и подвиг других. Об одном из скромных служителей Тульской епархии, протоиерее Алексии, он считал нужным даже написать записку и опубликовать ее для назидания другим в «Епархиальных ведомостях».

«На днях заходил ко мне, – писал архимандрит Петр, – один сельский протоиерей – отец Алексей. Высокого роста, стройный, худой, весь седой, с добрыми проникновенными глазами, смиренный, приветливый, добродушный, – он произвел на меня самое хорошее впечатление. Давно он священствует, но священствует в бедном приходе: “Мой доход равняется доходу псаломщиков в окружающих селах, – говорил он, – но я никогда не искал себе лучшего прихода; я верю, что Господь благословил меня потрудиться именно здесь. Ох, сколько я видел на себе милостей Божиих! Я вас давно поминаю, и родителя вашего поминаю. (Надо сказать, что мы увиделись только впервые, а до сего времени я даже никогда не слышал об отце протоиерее.) У меня такое правило – я поминаю всех. Живых поминаю более семисот, а усопших – и не знаю сколько. Ведь это нетрудно. Знаете, ведь они все записаны. На проскомидии, во время Херувимской песни и “Достойно” я читаю, а потом вздохну (тут отец протоиерей приложил руку к персям, устремил глаза свои к небу, и весь взор его как-то просветлел – будто он увидел Господа и просил Его за живых и усопших), потом снова читаю и снова вздохну; я всегда так. Протоиереем я недавно сделан. Это сделал меня преосвященный, который обратил внимание на то, что я никогда ни одной свадьбы не венчаю без того, чтобы жених и невеста не знали Символа веры и молитвы Господней наизусть и с объяснениями. Трудно обучать их, но все же они обучаются... На мне вся одежда чужая, я не могу делать себе – средств нет, но слава Богу за все”. Действительно, отец протоиерей весьма бедно одет. Когда мы стали расставаться, отец протоиерей подошел к иконам, приложился, помолился и стал сердечно желать мне небесных даров от Бога.

Предо мною ясно вырисовывалось все величие и красота души старца. Я представил себе следующее: бедный сельский приход, удаленный от губернского города на сто пятьдесят верст, грубый деревенский народ, все более и более развращаемый за последние годы, постоянные труды, хлопоты, службы, требы, ведение хозяйства, занятия с прихожанами, недостатки, так что к концу жизни не только не скоплено на черный день, но даже нет средств, чтобы сделать себе одежду: скудные средства ведь нужны были сиротам, которых приходилось еще воспитывать, да и бедным чадам своим о Господе. Кроме нищеты, на старость осталась еще боль в ногах, о которой отец протоиерей говорит как-то добродушно, будто она не у него, будто не его ноги отнимаются. Это, так сказать, всё внешние скорби, а сколько скорбей незримых, внутренних, о которых нет сил

повествовать, потому что их так много и они так всем хорошо понятны! Подумайте теперь, какова же должна быть крепость души, каково величие духа, какова непоколебимость в достижении поставленной цели, какова преданность воле Божией, каковы смирение, вера, терпение, сострадание, любовь к Богом данным прихожанам, если, несмотря на все тяготы, труды, лишения, скорби и напасти, отец протоиерей не поддался духу лукавому, так часто многих из нас прельщающему, не прельстился ни богатством, ни славой, ни ризным украшением, а остался до заката дней своих на своем посту, в глуши, в неизвестности, в трудах, среди любимых им пасомых, остался делить с ними до гроба все их нужды, скорби и радости!

А каково его бескорыстие! Он молится за живых и усопших, знакомых и неизвестных, молится бескорыстно, без надежды не только получить благодарность за свое доброе дело, но даже без надежды на то, что об этом узнают те живые, за которых он молитвы возносит. Он молится просто потому лишь, что молитва – его дыхание, потому, что, как пастырь, он считает нужным молиться, ибо знает, что всё от Бога, знает, какое великое значение имеет молитва для живых и особенно для усопших, которые сами себе никак уже не могут помочь. Он молится не за родных только или знакомых, нет, он молится даже и за тех, которых никогда не видал и не знал. Он знает лишь одно – что они нуждаются в молитве, и он скромно, тихо, незаметно делает доброе дело, творит милостыню.

И вот такими-то молитвенниками и стоит еще мир, ими-то вот и поддерживается вера и жизнь наша...

Таких подвижников – молитвенников может воспитать и иметь одно лишь православие. И дай Бог, чтобы их было как можно больше».

С началом военных действий в 1914 году в Спасо-Преображенском монастыре был устроен лазарет на двенадцать кроватей, из которых пять были на полном содержании монастыря.

В октябре 1916 года Святейший Синод постановил направить архимандрита Петра в распоряжение епископа Алеутского Евдокима (Мещерского) для миссионерской службы в Северо-Американской епархии. Но поездка не состоялась, и, вместо Америки, в 1916 году отец Петр уехал проповедником на фронт, где пробыл до февральской революции 1917 года. Затем архимандрит Петр вернулся в Москву и служил в Князь-Владимирской церкви при епархиальном доме.

26 февраля /11 марта 1918 года архимандрит Петр был назначен настоятелем Успенского Желтикова монастыря в Твери. Здесь ему впервые пришлось испытать тяготу неволи: он был заключен в тюрьму в качестве заложника.

14 февраля 1919 года в Москве в патриарших покоях на Троицком подворье состоялось наречение архимандрита Петра во епископа. На следующий день, в праздник Сретения Господня, он был хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, где в то время правящим архиереем был архиепископ Евдоким (Мещерский), впоследствии отпавший от православия в обновленчество. Владыка Петр хорошо знал его по службе в Белеве, когда тот был епископом Каширским, викарием Тульской епархии.

В Нижнем Новгороде епископ поселился в Печерском Вознесенском монастыре на берегу Волги. Место, памятное недавними событиями: здесь жил

епископ Лаврентий (Князев), расстрелянный большевиками 6 ноября 1918 года.

В древности Печерский монастырь был расположен за две версты от Нижнего Новгорода, но около трехсот лет назад произошел обвал, здания монастырские обрушились в Волгу, остался лишь один храм, и монахи поселились ближе к городу, в так называемых Ближних Печерах. К началу XX века монастырь пришел в упадок.

Братия была малочисленна, и с епископом Петром приехали несколько монахов. Сразу по приезде епископ восстановил в монастыре уставную службу. Он служил во все большие и малые праздники, во время всенощной всегда стоял в храме на настоятельском месте против чтимой иконы Печерской Божией Матери, зачастую сам читал шестопсалмие.

Профессиональным певчим трудно было выдерживать продолжительные богослужения, и епископ привлек к участию в службах народ. За правым клиросом ставили аналой, и здесь находился уставщик, сюда приходили все усердствовавшие петь и читать. В малые праздники служба продолжалась около пяти часов, в воскресные дни – шесть часов, а в двенадцатые праздники – семь, то есть с пяти часов вечера до полуночи.

Епископ служил неспешно, раздельно и громко произнося каждое слово. Шел во время каждения не торопясь, так что успевали пропеть весь полиелейный псалом. «Хвалите имя Господне» пел весь народ на два хора афонским распевом, полностью оба псалма. Во время первого часа и после литургии епископ благословлял народ. Придавая огромное значение участию прихожан в богослужении, епископ постарался наладить всенародное пение и в других храмах епархии. С благословения архиепископа Нижегородского Евдокима он обратился с посланием к благочинным Нижегородской епархии, призывая их в своих благочиниях завести такое же общенародное пение.

В будние дни епископ служил литургию в домовой церкви. Каждый праздник после богослужения он говорил проповедь. В монастыре он завел преподавание детям Закона Божия, причем преподавал сам. Дети так привязались к нему, что зачастую собирались толпой у его крыльца в ожидании – не пойдет ли владыка куда-нибудь, чтобы сопровождать его. По дороге он что-нибудь им рассказывал, часто из своей жизни.

Иногда епископ Петр служил всенощные всю ночь. Под Рождество Христово всенощная начиналась в десять часов вечера, и после нее сразу же служилась литургия. Несмотря на столь продолжительные службы и самое простое пение, храм всегда был полон народа. Акафистов за всенощной епископ никогда не читал, но зато требовал, чтобы полностью вычитывались кафизмы; акафисты читались только на молебнах. Епископ Петр особенно любил Псалтирь, которая отражает все многообразие душевных переживаний и обстоятельств, в каких приходится бывать человеку; богодухновенная книга нас научает – как и о чем просить Бога. Как-то раз епископа пригласили служить в один из храмов и на всенощной почти полностью пропустили кафизмы. Епископ Петр подозвал настоятеля и сказал ему: «Почему ты не любишь царя Давида? Люби царя Давида».

Панихиды епископ всегда служил полностью, по уставу, с семнадцатой кафизмой, без всяких сокращений. «Кто отслужит по мне такую панихиду?» – говорил он. Когда ему приходилось кого-нибудь отпевать, то он служил без малейшей поспешности. Он любил молиться вместе с Церковью словами церковных гимнографов и святых подвижников, ибо в этих словах, как и в

церковных уставах, заключена неохватная жизнь, через них еще на земле ощущалось небесное. Будучи в Воронеже, владыка говорил своему келейнику отцу Иннокентию: «Во всем твой Петр грешен, только устава никогда не нарушал».

В Печерском монастыре древний собор в честь Успения Божией Матери был в то время сильно запущен. Стены и потолок были черны от копоти. Епископ обратился к народу, прося помочь навести порядок, и сам первый поднялся по лестнице и промыл часть потолка. На Страстной седмице владыка вышел очищать от снега двор монастыря. Кто-то спросил его:

– Что это вы так трудитесь, владыко святой?

– Да как же? Надо будет в Великую Субботу с крестным ходом идти, а кругом снег, идти негде.

За несколько дней до престольного праздника в соборе ежедневно начинали служить молебны с акафистом Божией Матери по примеру Киево-Печерской Лавры – так епископ вместе с народом готовился к встрече праздника Успения Богородицы.

Истовое, неленостное служение, искренность в вере, смирение, открытость для всех – все это народ сразу почувствовал, оценил и полюбил в архипастыре. Его стали приглашать на все престольные праздники в городские храмы. Приглашали его, приглашали и епархиального архиерея, но все возрастающая популярность епископа Петра среди верующих не понравилась епископу Евдокиму; он стал завидовать своему викарию и в конце концов возненавидел его. Люди об этом не знали и по-прежнему приглашали их служить вместе. Это было тяжелое испытание для обоих, когда им приходилось стоять вместе на кафедре.

Владыка Петр искал выход из создавшегося положения и в конце концов решил поступить так, как заповедал Христос. Перед началом Великого поста 1920 года в Прощеное воскресенье высокопреосвященный Евдоким служил в городе, послав епископа Петра служить в Сормово, которое располагалось тогда довольно далеко от Нижнего Новгорода. Извозчиков в то время не было, и епископ ходил в храм на службы пешком. Возвращаясь после службы в Печерский монастырь, он зашел на Дивеевское подворье, где жил архиепископ, чтобы попросить прощения перед началом Великого поста. Войдя в покои архиепископа Евдокима, он повернулся к иконам, помолился, затем поклонился архиепископу в ноги и, поднявшись, сказал:

– Христос посреди нас.

Вместо обычного: «И есть, и будет» – архиепископ ответил:

– И нет, и не будет.

Молча епископ Петр повернулся и вышел.

Началась первая неделя Великого поста. Владыка служил ежедневно, службы продолжались по тринадцать-четырнадцать часов.

Часто он служил в Сормово, и многие прихожане-рабочие, узнав владыку поближе, полюбили его. Когда в мае 1921 года власти арестовали епископа, рабочие объявили забастовку и бастовали три дня. Власти пообещали рабочим, что отпустят архиерея, но вместо этого отправили его в Москву в ЧК на Лубянку. Епископа обвинили в разжигании религиозного фанатизма в политических целях.

Доверие Патриарха Тихона к владыке Петру было столь велико, что, когда в Пензенской епархии возникло чрезвычайное положение ввиду раскольничьей деятельности лишенного сана архиепископа Владимира Путяты, попытавшегося

захватить Пензенскую кафедру, Патриарх 17 мая 1921 года назначил туда правящим архиереем епископа Петра. Однако, ввиду ареста владыки, 25 июня 1921 года указ пришлось отменить.

С Лубянки епископа перевели в Бутырскую тюрьму, затем – в Таганскую. Когда его уводили из Бутырской тюрьмы, то с ним прощались все заключенные в камере, многие плакали, даже надзиратели пришли проститься. «Я вспомнил тогда прощание апостола Петра», – говорил епископ, рассказывая о своем пребывании в заключении.

В Таганской тюрьме находилось тогда более десяти архиереев и множество духовенства. Верующие передавали в тюрьму просфоры, облачения, и духовенство совершало в камере соборную службу. Около маленького столика становилось столько архиереев, что служебники положить было негде. Дякона не было ни одного. Великую ектению начинал митрополит, а дальше все архиереи по старшинству говорили ектении по очереди.

В Таганской тюрьме вследствие истощения епископ Петр тяжело заболел: у него образовались фурункулы на голове, и его положили в больницу. В конце июля епископа Петра назначили на этап в Петроград. Перед отправкой разрешили свидание, и к владыке пришли его духовные дети. Когда его вывели из Таганской тюрьмы, они подошли к епископу и шли вместе с ним через весь город до Николаевского вокзала в сопровождении конвоя. Солдаты, охранявшие архиерея, не препятствовали провожавшим идти рядом с епископом и не мешали им разговаривать. До отправки поезда оставалось еще несколько часов, и им разрешили провести их вместе. Епископ много рассказывал о своем пребывании в тюрьме и в конце беседы сказал: «Как хотел бы я открыть свое сердце и показать вам, как страдания очищают сердце».

В Петроградской тюрьме епископ пробыл до 4 января 1922 года и в день памяти великомученицы Анастасии Узорешительницы был освобожден и уехал в Москву. Всенощную и литургию на Рождество Христово он служил в храме Марфо-Мариинской обители, а на второй день праздника – в храме Христа Спасителя. В Москве владыка получил от Патриарха назначение быть епископом Старицким, викарием Тверской епархии.

Уехав в Тверь, владыка поселился в Успенском Желтиковом монастыре, где в 1918 году был настоятелем. Здесь он сразу же принялся за восстановление уставного богослужения, заведя те же порядки, что были у него в Нижнем Новгороде. Народ помнил его и встретил с радостью. В Твери епископ Петр восстановил в жизни приходов благочестивый обычай паломничеств к местным святыням. Он сам иногда отправлялся с духовными детьми в Торжок, за шестьдесят километров. Шли пешком, дорогой владыка читал акафист преподобному Ефрему Новоторжскому, а сопровождавшие его паломники пели припев. В селе Марьино они останавливались на ночлег и на следующий день приходили в Торжок.

Весной 1922 года стали очевидны для всех размеры нового бедствия – голода, постигшего Нижнее Поволжье, и епископ Петр решил, не ожидая разрешения властей светских, ни каких-либо распоряжений от властей церковных, оказать посильную помощь голодающему населению. Правящего архиерея, архиепископа Серафима (Александрова), в то время в городе не было, и епископ Петр фактически управлял епархией. В марте он созвал совещание членов епархиальной канцелярии, существовавшей при Тверском архиепископе; на нем было решено немедленно приступить к сбору пожертвований.

Постановили устроить цикл общеобразовательных лекций, с тем чтобы все сборы шли на помощь голодающим. Приняли решение разослать переданное из Москвы обращение архиепископа Серафима к настоятельницам монастырей с призывом принять в обитель детей голодающего Поволжья.

31 марта 1922 года епископ Петр обратился к тверской пастве с посланием, которое было разослано по всем приходам и монастырям епархии. В это трудное время владыка стал служить каждый день как священник, утром и вечером. Бывало, что кто-нибудь из прихожан, видя, что архиерей терпит нужду, отрезал от своего скудного пайка в сто граммов хлеба половину и, завернув в чистую бумагу, подавал владыке. Епископ Петр не отказывался: благодарил, улыбался и брал кусочек в пятьдесят граммов – зачастую это и была его еда за весь день. Начинал он служить в девять часов утра, а заканчивал в четвертом часу дня. Каждый день он обращался к людям с проповедью о том, чтобы они помогли голодающим. Случалось, прихожане, слушая епископа, плакали и отдавали свое последнее.

Он сам отдал в пользу голодающих все сколько-нибудь ценные вещи из храма. Некоторые упрекали его за это. Он тогда говорил: «У нас они стоят так. Они лишние. Они не нужны. У нас, значит, они будут стоять, а там люди умирают от голода». В одной из проповедей владыка сказал: «У одного мальчика умер папа. Затем умерла мама. Соседи снесли маму на кладбище, а мальчик шел за гробом. И когда все ушли, он остался. Сидел на могилке и плакал. И послал письмо Господу, где написал: “Господи! Господи! Что же Ты не приходишь, ведь мама сказала, что Ты придешь, а Ты не приходишь. Я жду-жду Тебя, а Ты не приходишь”. И вот сидел он на могилке у мамы, плакал и говорил: “Мама, ты слышишь, я послал Господу письмо, а Он не приходит”. Так он сидел и плакал и наконец уснул.

Вскоре пришел один человек, разбудил мальчика и спросил его, почему он здесь спит. И мальчик ему все рассказал.

“Так вот, – сказал человек, – Господь послал меня к тебе”. И он взял мальчика к себе и воспитал его.

Вот видите, как надо просить Господа и как детская молитва доходит до Господа».

В середине лета служащие епархиального управления, все, кто не участвовал в богослужении, оказались без средств к существованию, и епископ обратился к благочинным епархии с просьбой о помощи.

Летом 1922 года начался обновленческий раскол; раскольники при поддержке советских властей принялись за разрушение Церкви. В июне 1922 года митрополит Сергей (Страгородский), архиепископ Серафим (Мещеряков) и архиепископ Евдоким (Мещерский) выпустили воззвание, в котором признали законность обновленческого ВЦУ как высшей церковной власти.

Некоторые священники – кто под воздействием соблазнительных аргументов, кто под угрозой физической расправы – присоединились к обновленчеству. Епископ Петр немедленно таковых запретил в священнослужении, предав факт запрещения широкой огласке, чтобы предупредить православных мирян об опасности отпадения от Церкви.

19 сентября 1922 года епископ Петр обратился к тверской пастве с воззванием, в котором изъяснял сущность обновленческого движения и отношение к нему Православной Церкви. Текст обращения был подан цензуре тверского отдела ГПУ для получения разрешения на публикацию. Цензура ГПУ отказала епископу в публикации обращения. «Ввиду того, что обращение

натравливает одну часть духовенства и верующих на другую, – писал цензор, – что возбраняется декретом об отделении Церкви от государства, который предоставляет право каждому гражданину и обществу верить, во что он хочет, и молиться, кому и как хочет, в печатании данного обращения отказать, а епископа Петра привлечь к ответственности за неподчинение советской власти, за применение во время письма дореволюционной орфографии».

Обвинение в написании письма по дореволюционной орфографии было недостаточным, и заместитель начальника 6-го отделения секретного отдела ГПУ Тучков, ведавший надзором за Церковью, потребовал от Тверского ГПУ доказать, что епископ Петр распространял воззвание. Сотрудники ГПУ стали допрашивать близких к архиерею священников.

Арестовать епископа и вести дело в Твери сотрудники местного ГПУ побоялись и 15 ноября сообщили Тучкову: «Епископ Петр предварительным следствием уличен в распространении не разрешенного цензурой обращения и на днях будет арестован со всей кучкой тихоновцев. Просим вашего разрешения препроводить епископа Петра с его компанией и со всем материалом сразу же после ареста к вам, во избежание возбуждения фанатиков».

В тот же день секретный отдел ГПУ ответил, что предлагает «выслать епископа Петра и других проходящих по этому делу лиц» в Москву. 24 ноября 1922 года епископ был арестован. Вместе с ним были арестованы протоиереи Василий Куприянов и Алексей Бенеманский, казначей Новоторжского Борисоглебского монастыря иеромонах Вениамин (Троицкий), секретарь епископа Александр Преображенский и православный мирянин Алексей Соколов. На следующий день следователи допросили епископа.

– Ваш взгляд и отношение к советской власти? – спросил следователь.

– Как на рабоче-крестьянскую власть, которую я вполне признаю и подчиняюсь.

– Ваша личная материальная помощь голодающим?

– Был один случай в Вышнем Волочке, где мной было пожертвовано в пользу голодающих – пять миллионов рублей, официально зафиксированных сборщиками. В дальнейшем моя помощь голодающим выразилась в даче на тарелку при богослужениях приблизительно по миллиону рублей каждый раз, и были даже таковые случаи, когда ко мне непосредственно в покои обращались голодающие за помощью и получали ее. Иногда в виде одежды или хлеба и деньгами. Но главную мою заслугой является не личная помощь, а призыв к духовенству и мирянам помогать голодающим.

– Причина активной борьбы, то есть словом и делом, со сторонниками ВЦУ? – спросил следователь.

– Их еретическое учение, то есть отрицание рая и ада и тому подобное; кроме этого, они являются, по моему мнению, политическими деятелями, что я вывожу из ряда статей и заметок как в журнале «Живая церковь», так и в периодической печати.

– Ваш взгляд и отношение к Патриарху Тихону?

– Признаю его главою Русской Церкви в церковных делах.

– Когда вам стало известно о запрещении цензурой вашего последнего воззвания?

– 23–24 октября.

– Кто и где переписывал с вашего черновика воззвание на машинке, в каком количестве экземпляров и как таковые расходились?

– Кто-то из богомольцев взял у меня переписать для предоставления военному цензору и представить мне напечатанным.

– Сколько раз и где вы лично зачитывали указанное выше воззвание?

– Лишь один раз в церкви Николы на Плацу.

– У кого из членов епископского Совета хранится епархиальная переписка в настоящее время и те письма, которых не оказалось в конвертах при обыске?

– Епископского Совета в епархии нет, а поэтому вся переписка, в том числе и сообщения в конвертах, которые найдены при обыске, мною переданы в канцелярию с резолюциями.

– Какие откуда получали сведения о результатах распространения или влияния вашего воззвания?

– Совершенно мне ничего не известно.

30 ноября арестованные были отправлены в Москву и заключены в Бутырскую тюрьму. В декабре им было предъявлено обвинение в распространении воззвания епископа Тверского Петра под заглавием «Возлюбленным о Господе верным чадам церкви Тверской», направленного «явно против всякого обновленческого движения в церкви и в поддержку контрреволюционной политики Тихона».

26 февраля 1923 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила епископа Петра, священников Василия Куприянова и Алексея Бенеманского, мирянина Александра Преображенского к ссылке в Туркестан на два года, мирянина Алексея Соколова – к ссылке в Нарымский край на тот же срок.

После оглашения приговора всех заключенных перевели в Таганскую тюрьму. В середине марта на пятой неделе Великого поста, на «стояние Марии Египетской», епископа Петра и других осужденных в составе большого этапа отправили в Ташкент. Перед отправкой дали личное свидание с духовными детьми. У епископа от недоедания был авитаминоз и вся голова была забинтована. Сопровождал этап усиленный конвой, и во все время следования от Таганской тюрьмы до Казанского вокзала, откуда отправлялся поезд, никому из провожавших не разрешили подойти к осужденным.

В апреле этап прибыл в ташкентскую тюрьму. В пасхальный четверг все были вызваны из тюрьмы в комендатуру ОГПУ. Здесь осужденным было объявлено, кому куда следовать дальше, и с них взяли подписку, в соответствии с которой они должны были покинуть Ташкент в тот же день. В комендатуре выяснилось, что в ссылку их распределили по разным местам. Епископу Петру было назначено ехать в Перовск, протоиерей Алексей Бенеманский отправлялся в Самарканд. Но как бы то ни было, после пятимесячного заключения они впервые вышли за стены тюрьмы. Выйдя из комендатуры ОГПУ, перекрестились – за все слава Богу! – и отправились разыскивать друзей. Долго бы они, вероятно, искали, если бы Господь в самом начале их поисков не послал им навстречу знакомую женщину. Она довела их до дома при соборе, где была приготовлена для них трапеза и комната. В доме их уже ожидали члены соборного причта и благочестивые прихожане. К приходу ссыльных прихожане нанесли множество куличей, чаю, сахара, всем ссыльным подарили по рубашке из местной ткани.

Проявление любви к приехавшим исповедникам было столь очевидно и велико, что как никогда ясно увиделось, что с такой бескорыстной любовью друг ко другу могут относиться только христиане. Одни остались с приехавшими, другие, забрав их документы, отправились на вокзал за билетами. Поезд на

Самарканд, которым должен был ехать протоиерей Алексей Бенеманский, отправлялся в одиннадцать часов ночи. На поезд, которым должен был ехать владыка, билетов не оказалось, и он вынужден был остаться. В семь часов вечера стали прощаться. Епископ Петр сказал слово отъезжающим, ответное слово сказал протоиерей Алексей. Владыка заплакал, заплакали и все присутствовавшие. Расставались на два года, причем при таких обстоятельствах, когда никто не мог с точностью предположить будущего.

Переписку ссыльное духовенство Твери наладило между собою не сразу. Письма, посланные по почте, пропадали, а верная оказия отыскивалась не всегда. Иногда удавалось договариваться с машинистом паровоза, который и привозил письма. Келейник епископа подходил к поезду, машинист открывал дверцу и бросал пачку писем на землю. Келейник приносил их епископу. Тот сразу же садился за маленький столик и принимался за чтение, а келейник садился у печки. Епископ читал и отдавал ему письма, и тот бросал их в печь. Затем епископ писал всем ответы. Только через год ссыльные наладили регулярную переписку через монахиню Олимпиаду (Пороховицкую).

В марте 1924 года епископ Петр писал протоиерею Алексею Бенеманскому: «Спешу возвестить Вам большую радость для Вас, а также поделиться и своей радостью: по случаю смерти Ленина объявлена многим политическим амнистия, и в том числе нам; амнистия сокращает срок наполовину, а так как мы уже отбыли половину своего срока, то и можем теперь ожидать скорой отправки восвояси...»

События прошедшего года – обновленческий раскол, арест Патриарха Тихона, попытка обновленцев захватить церковную власть – ставили один и тот же вопрос: как надо поступать, чтобы, не жертвуя Христовой истиной и интересами Церкви и в то же время в условиях гонений, по возможности избежать прямого столкновения с властью. Желание избежать раскола влекло к политике компромисса, но это не успокаивало совесть, и хотелось отыскать твердую каноническую основу. Время ставило насущные вопросы церковно-канонического характера, и многие не готовы были дать на них ответы по существу. В одном из писем епископ Петр писал отцу Алексею Бенеманскому: «В неделю за литургией я вдруг ясно понял, какую точку зрения должен был иметь в вопросе о поминовении Святейшего*. Я должен был твердо помнить, что Святейший не имел права единолично отменять те канонические правила, которые приняты и утверждены Церковью... Стало быть, если бы он и отменил их, то это было бы незаконно и несогласующиеся были бы права...»

В 1923 году был освобожден из заключения Патриарх Тихон и сразу же подал властям список архиереев, без которых он не мог управлять Церковью. В их числе был и епископ Петр. В конце 1924 года владыка прибыл в Москву, а 16 июля 1925 года, уже после смерти Патриарха Тихона, Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Петром (Полянским) он был послан в Воронеж в помощь митрополиту Владимиру (Шимковичу), которому было тогда восемьдесят четыре года.

Епископ Петр служил в Воронеже в огромном пятипрестольном храме во имя Сошествия Святого Духа на Терновой поляне, но чаще всего он служил в Покровско-Преображенском храме бывшего Девичьего монастыря, где и жил. Во время его богослужений храм был всегда полон молящимися, было так тесно, что

* Имеется в виду обязательность поминовения за богослужением имени Патриарха Тихона, несмотря на временную передачу им церковной власти митрополиту Агафангелу.

не всегда можно было поднять руку, чтобы перекреститься. Епископ со всеми был приветлив, внимателен и ласков, всех любил, все для него были родными и близкими, и народ вскоре ответно его полюбил.

Епископ пробыл в Воронеже до осени 1925 года, когда был вызван в Москву к Тучкову. 23 ноября, попрощавшись с воронежской паствой, он отбыл в Москву.

6 января 1926 года, в канун Рождества Христова, скончался митрополит Воронежский Владимир. Воронежская паства почувствовала себя осиротевшей. Многие спрашивали: когда же приедет владыка Петр? Воронежская блаженная, Феоктиста Михайловна, жившая в ту пору в Девичьем монастыре, сказала: «Мясоедом приедет». Епископ Петр приехал 10 января и вместе с прибывшим на погребение митрополитом Нафанаилом (Троицким) отпевал почившего. Погребение митрополита Владимира, собравшее множество верующих, переросло в народное собрание, которое выразило единодушное пожелание, чтобы преосвященный Петр вернулся к ним Воронежским епископом.

Чтобы наперед оградить архипастыря от возможных притеснений со стороны советской власти, ему были поставлены православными прихожанами условия – неучастие в политических группировках, выступающих против советской власти, и лояльность по отношению к последней. В свою очередь православные давали перед властями поручительство в политической благонадежности архипастыря. Одновременно с этим они обязывались предоставлять двух делегатов в случае вызова архипастыря в органы советской власти, чтобы быть вполне осведомленными в политической деятельности своего архиерея.

12 января уполномоченные православных приходов Воронежской епархии направили епископу Петру заявление, на которое он дал свой ответ: «От всего сердца благодарю православно верующих Воронежской епархии за оказанную мне большую честь – приглашение меня на их славную архиепископскую кафедру и за выраженное мне доверие. Видя в единодушном избрании меня трудящимися глас Божий, не дерзаю отказываться и изъявляю свое полное согласие на занятие Воронежской кафедры; что же касается предложенных мне условий, то нахожу их совершенно соответствующими моим убеждениям и моему настроению, ибо, с одной стороны, я твердо верю в то, что подлинное христианство содержится только в исповедуемой нами святой Православной Церкви, а отнюдь не в каких-либо новопоявляющихся незаконных, с канонической точки зрения, религиозных организациях, а с другой – я все время признавал и признаю со всеми трудящимися советскую власть, против которой не выступал и не выступаю ни словом, ни делом, а потому добровольно и охотно принимаю предлагаемые мне условия и обязуюсь исполнять их нерушимо, в чем и подписуюсь».

После народного избрания на Воронежскую кафедру епископ уехал в Москву, чтобы получить подтверждение народного выбора от священноначалия. Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) признал это избрание и назначил епископа Петра на Воронежскую кафедру с возведением его в сан архиепископа, сказав при этом, что посылает в Воронеж лучшего проповедника Московской Патриархии.

Верующие, встречавшие архиепископа Петра на вокзале, сообщили, что множество православных уже ожидает его в Алексеевском монастыре и желает, чтобы он отслужил панихиду по почившему митрополиту Владимиру.

В монастыре владыке подарили иконы святителей Митрофана и Тихона, и

один из рабочих, прихожанин храма, сказал приветственное слово, пожелав архиепископу Петру, как Воронежскому архипастырю, чтобы молитвами этих святителей Господь сохранил его на Воронежской кафедре.

Многие храмы в Воронеже к этому времени были захвачены обновленцами, которыми руководил лжемитрополит Тихон (Васильевский). Митрополит Владимир, хотя и был убежденным противником обновленчества, оказать сколько-нибудь значительное сопротивление ему не мог, так как был стар и немощен, и верующие Воронежа своими силами боролись с обновленцами. Во время первого приезда епископа Петра в Воронеж в 1925 году, еще при жизни митрополита Владимира, обновленцы пытались захватить Покровско-Преображенскую церковь бывшего Девичьего монастыря; верующие отправили в Москву к председателю Президиума Верховного Совета Калинину председателя церковного совета Семена Цикова с просьбой положить предел беззаконию. Перед отъездом Семен пришел к епископу Петру взять благословение на поездку. Владыка благословил и попросил зайти в Москве к Местоблюстителю митрополиту Петру, подробно рассказать о происходящих в Воронеже церковных событиях и взять у него для Воронежского архипастыря облачение. Посланец все это благополучно исполнил, что вызвало недовольство властей, когда они об этом узнали.

Пребывание архиепископа Петра на Воронежской кафедре, его истовое совершение богослужений, любовь к пастве – все это действовало на обновленцев раздражающе. Благодать Божия через своего избранника видимо попаляла ложь, лицемерие и лукавство еретиков, и они не мало предприняли усилий, чтобы удалить архиепископа из Воронежа, действуя через светские власти.

Архиепископ Воронежский Петр. 1926 год

С частью воронежского духовенства у архиепископа Петра близких отношений не получилось, и прежде всего потому, что многие из них были противниками продолжительных богослужений; некоторые, когда служили с архиепископом, не дожидаясь конца всенощной, уходили из церкви. В Воронеже архиерей был особенно дружен с народом, который собирался на его службы в великом множестве. С прихожанами архиерей проводил все свои дни – в церкви и дома, куда к нему беспрерывно шли со своими нуждами люди. И часто можно было видеть – входили к нему посетители с какой-нибудь скорбью, а выходили утешенными, с сияющими лицами.

Служил архиепископ по афонскому чину: каноны, кафизмы, стихиры – все читалось и пелось неспешно, без пропусков, поэтому службы длились подолгу, но народ не уходил из храма до окончания богослужения.

Архиепископ Петр не любил партесного пения и наладил в храме пение народа, чтобы пела вся церковь. Часто, стоя на кафедре, он сам запевал «Хвалите имя Господне», и затем все пели полностью оба псалма афонским распевом. Центр народного пения в храме составлял небольшой хор, который в шутку называли «капеллой»; управлял им талантливый и неутомимый регент, архимандрит Игнатий (Бирюков)*. Клиросному послушанию он отдал много лет

* Прославлен Русской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Память празднуется сентября 15/28.

жизни, собирая из разных мест и затем вводя в церковный обиход древние распевы. После службы люди подходили к архиепископу под благословение, а в это время весь храм пел стихиры и тропари. Ввиду огромного стечения народа на богослужениях архиепископа, верующие рабочие взяли на себя обязанности добровольных блюстителей порядка.

При архиепископе Петре началось возвращение обновленческих храмов в православие. Чин принятия духовенства совершался с большой торжественностью. Владыка стоял на кафедре, а кающиеся священники с амвона приносили архиерею и всему народу покаяние. Затем кающиеся земно кланялись и пелась хвалебная песнь святого Амвросия Медиоланского «Тебе Бога хвалим». Священники, принесшие покаяние, не сразу допускались к служению, им архиепископ благословлял первое время петь и читать на клиросе. Перед началом богослужения обновленческие храмы заново освящались. Во всех возвращающихся в православие церквях архиепископа Петра встречали крестным ходом, с хоругвями, при огромном стечении народа. Все это вызывало гнев обновленцев, у которых оставалось все меньше церквей. Деятельность архиепископа Петра в Воронеже обновленцы на своем епархиальном съезде назвали «петрозвериадой».

Неизменным спутником и сослужителем архиепископа Петра был архимандрит Иннокентий (Беда). Человек тихий и кроткий, он был ближайшим помощником архиерея. Его архиепископ посылал в Саровский монастырь за нотным акафистом преподобному Серафиму, который стал затем служить в Воронеже каждую среду.

Сразу же по приезде в город владыка пришел в административный отдел. Объяснил чиновникам, что он назначен в Воронеж правящим архиереем и приехал, чтобы принять на себя управление епархией. Затем попросил, чтобы административный отдел зарегистрировал его как официального главу Воронежской епархии. В ответ ему было сказано, что власти его не знают, не признают, дела с ним не имели и не желают иметь. Они, как представители рабоче-крестьянской власти, считаются только с волей рабочих и представителей верующих.

Архиепископ Воронежский Петр. 1926 год

После такого ответа властей верующие рабочие сами принялись за хлопоты по легализации епархиального управления, возглавляемого архиепископом Петром. Несколько раз рабочие ходили к председателю исполкома Шарову и настоятельно просили зарегистрировать епархиальное управление. Административный отдел в конце концов разрешил провести общегородское собрание верующих, которое должно было заслушать декларацию архиепископа и избрать членов епархиального управления. ОГПУ потребовало от архиепископа повлиять на рабочих, чтобы они не собирали делегации и не ходили к председателю исполкома; взамен ОГПУ обещало в вопросе о регистрации архиепископа договориться с властями. Насколько это было возможно, он просьбу эту исполнил.

Старец Нектарий Оптинский, к которому архиепископ Петр обращался за советами, передал ему: если дело так и дальше пойдет, архиепископу не избежать ареста.

Обстановка в городе становилась все более накаленной: несколько раз архиепископ Петр получал письма с угрозами, были случаи, когда в него с крыши бросали камнями. В конце концов рабочие предложили учредить охрану архиерея, которая сопровождала бы его на улице и оставалась ночевать у него в доме на случай провокации. Архиепископ мало верил в эффективность охраны, разве что от мелких провокаций, но не мог отказать верующим в праве защищать главу епархии. Владыка был благодарен людям за их заботу и всегда вечером, прежде чем лечь спать, спускался в прихожую узнать, накормлены ли они, и благословить их на ночь.

Признание православными главой епархии архиепископа Петра не облегчало бремени служения его на Воронежской кафедре, потому что

юридически власти признавали только обновленцев. Такое положение затрудняло поездки архиепископа по сельским приходам епархии; эти поездки рассматривались ОГПУ как контрреволюционная деятельность, на них требовалось каждый раз разрешение властей, а они его не давали. С ходатайствами к властям о разрешении архиепископу поездок по приходам епархии ходил председатель церковного совета Семен Циков, но безрезультатно. Представитель властей на все просьбы так отвечал: «Что вы, городские, за деревню беспокоитесь? Служит у вас архиепископ в городе – и ладно, а за деревню вы не хлопчите». После такого ответа Семен Циков направил посланцев в деревенские приходы сказать, чтобы они прислали своих ходоков, дабы вместе хлопотать о разрешении архиепископу поездок по епархии. Сельские приходы составили свое поручительство о политической благонадежности архиерея, но и эти хлопоты ни к чему не привели. Чем больше людей хлопотало за архиепископа Петра, тем большую ненависть он вызывал у властей. Обстановка в городе в то время была такова, что архиепископ считал нужным обратиться с посланием к воронежской пастве, одновременно отослав его текст в газету «Воронежская коммуна» с просьбой опубликовать, предполагая таким образом смягчить напряженность в отношениях между Церковью и властями в Воронеже.

Архиепископа Петра после этого стали вызывать на допросы в ОГПУ. Держался он при этих визитах спокойно. Входя в кабинет следователя, он оглядывался, как бы ища икону, но ее, естественно, не было, и он крестился на правый угол, в пояс кланялся и только тогда начинал разговор со следователем. Служащие ОГПУ невольно при его появлении обнажали головы.

Успенским постом архиепископ каждый день служил акафист Успению Божией Матери, после которого бывал крестный ход вокруг храма Алексеевского монастыря.

Осенью 1926 года должен был состояться под руководством Тучкова съезд обновленцев, и в связи с этим ОГПУ проводило обыски у православных архиереев. Как-то, вернувшись из церкви, архиепископ Петр увидел у дверей своей квартиры милиционеров, которые вошли вслед за ним и, предъявив ордер, приступили к обыску. Пока шел обыск, у дверей квартиры собралась огромная толпа. После обыска заместитель начальника отделения милиции предложил архиерею проследовать с ним для допроса. Архиепископ, указывая на собравшуюся перед домом толпу, предупредил о могущих быть неприятностях. Заместитель начальника ответил, что как бы то ни было, но у него есть распоряжение доставить архиерея в отделение милиции и он это распоряжение выполнит. А чтобы не было неприятностей в результате столкновения народа с милицией, предложил архиепископу выйти через некоторый промежуток времени после того, как милиция покинет дом. Так владыка и сделал.

Когда архиепископ Петр вышел из дома, его встретила толпа числом около трехсот человек, которая пошла вслед за ним и остановилась у входа в милицию. В само здание вошли только несколько человек, которые решительно прошли в кабинет начальника отделения милиции, где должен был производиться допрос, и потребовали ответа – на каком основании задержан архиепископ. Они потребовали также, чтобы допрос проходил в их присутствии. Начальник отделения ответил категорическим отказом и решительно заявил, чтобы они немедленно покинули помещение. Рабочие вышли на улицу и, обратившись к народу, сказали, что владыку хотят арестовать, между тем как милиция не имеет

права вызывать архиепископа для допроса, а должна допрашивать у него на дому. Люди на улице заволновались. Вышедшие из здания милиционеры попытались разогнать толпу силой, но безуспешно. Отовсюду слышались крики, стоны, плач, но люди не расходились. Начальник отделения, видя, что ничто не помогает, пригрозил архиепископу, что, если беспорядок не прекратится, он вызовет конную милицию и разгонит верующих.

– Да вы выйдите к народу и скажите ему, что со мной ничего не случится, и люди успокоятся и разойдутся, – посоветовал архиепископ.

– Нет, вы сами идите и скажите, – ответил начальник.

Архиепископ вышел к народу и попытался его успокоить, но люди закричали, чтобы начальник сам вышел к ним и дал слово, что архиепископ не будет задержан. Тот вышел и пообещал им это, но люди не уходили, требуя освобождения архиерея. Начальник отделения милиции отдал распоряжение задержать людей наиболее близких к архиепископу – и в первую очередь тех, кто входил к нему в кабинет. Милиционеры бросились в толпу, но люди сопротивлялись, окружая плотным кольцом того, кого милиционеры пытались схватить. С большим трудом удалось им арестовать несколько человек. Арест произвел на людей удручающее впечатление, и некоторые стали расходиться. В довершение был вызван конный наряд милиции, который разогнал оставшихся. Когда после допроса владыка пошел домой, на улице его ожидало всего несколько человек.

29 октября 1926 года архиепископ был вызван в Воронежское ОГПУ. Перед уходом из дома он нарочито подробно рассказал об этом вызове своему келейнику. В ОГПУ архиерею показали телеграмму, в которой говорилось, что он вызывается к Тучкову в Москву для совещания по церковным вопросам с митрополитами Сергием (Страгородским) и Агафангелом (Преображенским). Когда архиепископ вернулся, перед домом и в самой квартире его уже ожидало множество людей. Архиепископ сообщил, что власти предложили ему выехать в Москву. Кто-то из присутствовавших посоветовал послать к Тучкову в Москву делегатов, чтобы просить об отсрочке вызова архиепископа и вообще узнать – зачем его вызывают и в чем состоит его дело. А пока решили просить начальника местного ОГПУ об отсрочке поездки, чтобы рабочие могли за это время оформить отпуска для поездки в Москву. На следующий день владыку снова вызвали в ОГПУ, и на этот раз он сказал его сотрудникам: «Вы сами идете против народа, сами раздражаете его и волнуете; я с вами, чекистами, разговаривать больше не буду, разговаривайте сами с народом и вывертывайтесь, как хотите».

В тот же день к святителю пришли представители рабочих и сообщили, что они выезжают в Москву для переговоров с Тучковым, а также отправляют делегацию на беспартийную рабочую конференцию, которая будет проходить в Москве 27 ноября. Они найдут там председателя Воронежского исполкома Шарова и попросят его, чтобы он в свою очередь переговорил с Тучковым.

Приехав в Москву, рабочие отправились в Дом Советов, где разыскивали воронежских делегатов, и в частности председателя Воронежского исполкома, которого и попросили заступиться за архиепископа Петра. Шаров выслушал их молча, но на одном из последующих заседаний городской конференции рабочих выступил с нападками на архиепископа; он сказал: «Петр Зверев – это духовное лицо, которое под флагом религии может вести и ведет рабочих не туда, куда надо». Затем зачитал телеграмму верующих: «Москва. Президиуму XV Всесоюзной конференции. Через местное Воронежское ОГПУ Тучков требует

выезда в Москву единственного избранного народом православного Архиепископа Петра Зверева. Православных в Воронежской губернии 99%, исключительно рабочих и крестьян. Вызов Архиепископа волнует верующих рабочих, особенно вследствие распространяемых обновленцами слухов о высылке нашего Архиепископа. Для прекращения волнения верующих рабочих и народа запросите Тучкова о причинах вызова Архиепископа. Заключив договор с Архиепископом при его избрании и поручившись зорко следить за его работой, считаем своим долгом знать причины и цель его вызова. Для выяснения вопроса о прекращении волнений затребуйте выезда в Москву делегации верующих рабочих железной дороги. Отвечайте. Воронеж. Терновая церковь – рабочим».

По прочтении телеграммы некоторые из делегатов вскочили с мест и стали кричать: «Таких людей клеймить!..»

В тот же день была принята резолюция: «Конференция требует тщательного расследования разлагающей единство рабочего класса и враждебной рабочему делу деятельности Петра Зверева... Требует немедленного изолирования и удаления из Воронежской губернии...» А также: «Исключить девять человек, подписавших телеграмму, из профсоюзов и удалить их с производства. Обсудить вопрос об их деятельности и предать суду. Провести показательный процесс! Предать суду Петра Зверева! И наконец – немедленно арестовать архиепископа Петра Зверева».

Сообщение об этих событиях было опубликовано 28 ноября 1926 года в газете «Воронежская коммуна». Это был первый день Рождественского поста, и архиепископ Петр служил литургию. Предчувствуя близкий арест, он был печален. В ту же ночь к нему явились сотрудники ОГПУ для произведения обыска и ареста. Когда они начали стучать в дверь квартиры, келейник владыки, архимандрит Иннокентий, покрепче закрыл дверь и задвинул щеколду и не пускал их до тех пор, пока владыка не сжег все письма и документы, которые могли бы повредить людям. После обыска архиепископ Петр был доставлен в ОГПУ.

Утром весть об аресте архиерея разнеслась по городу, и многие направились к зданию тюрьмы, чтобы узнать о судьбе своего архипастыря. Они увидели его только вечером, когда стража вывела архиепископа из здания и посадила в автомобиль, чтобы везти на вокзал. Верующие бросились к вокзалу, но сотрудники ОГПУ оцепили его и не пропустили никого на перрон, пока не отошел поезд с арестованным архиепископом. По прибытии в Москву он был заключен во внутреннюю тюрьму ОГПУ на Лубянке.

Вместе с архиепископом Петром были арестованы архимандрит Иннокентий и другие близкие ему люди, большей частью рабочие. Следствие вел уполномоченный 6-го отделения СО ОГПУ Казанский. Он спросил архиепископа Петра:

– Что за беседы по поводу положения Церкви в государстве бывали у вас с приезжавшими иногда из епархии церковниками? Почему вы там выставляли положение о необходимости мученичества?

– Моя точка зрения по этому вопросу ясна хотя бы из подаваемых мной документов и обращений декларативного характера, – ответил архиепископ. – Сам я никогда в беседах этого вопроса не поднимал, с кем бы ни разговаривал, но если меня спрашивали, то отвечал. Мне приходилось, возможно, высказывать мнение по этому вопросу по поводу существующей в Православной Церкви группы, непримиримо к государству относящейся, предпочитающей мученичество, то есть, как я понимаю, стеснение в правах и так далее,

урегулированию отношений. Может быть, я, знакомясь с этой точкой зрения, когда-нибудь и упустил из виду заявить слушателям, что эта точка зрения не моя, так как, повторяю, я вовсе не считаю, что мученичество в настоящее время выгодно для Церкви. Во всяком случае, я думаю, что моя точка зрения была слушателям известна, хотя бы из рассылавшихся обращений. Элемента злости в разговорах о мученичестве не было безусловно.

В конце марта следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал: «Подъем церковнического активизма совпал с приездом в город Воронеж Петра Зверева, прибывшего в качестве управляющего реакционной церковью губернии... Имя Зверева послужило флагом при выступлениях воронежских черносотенцев. Выступавшие добивались для него всяческих гарантий и исключительных правовых положений, используя при выступлениях эти требования как лозунги. Выступления, начавшись с хождения по разным учреждениям и представителям власти отдельных ходоков, вскоре сменились многочисленными депутациями к председателю исполкома и другим; депутации эти не ограничивались хождениями по учреждениям, а очень часто направлялись на квартиры ответственных работников и в повышенном тоне выставляли определенные требования. Через некоторое время шествия этих депутатий начали принимать характер своеобразных демонстраций, причем участие в последних принимали уже не только церковники, но и прочие граждане города Воронежа...»

4 апреля 1927 года Коллегия ОГПУ приговорила архиепископа Петра к десяти годам заключения в Соловецкий концлагерь. Келейник владыки архимандрит Иннокентий был приговорен к трем годам заключения на Соловках.

Весной 1927 года архиепископ Петр прибыл в Соловецкий концлагерь. Он был определен в 6-ю рабочую роту 4-го отделения, располагавшуюся в стенах Соловецкого кремля, а затем переведен в 4-ю роту 1-го отделения, располагавшуюся там же. Здесь он работал сторожем вместе с митрополитом Курским Назарием (Кирилловым). После освобождения архиепископа Прокопия (Титова), работавшего счетоводом на продовольственном складе, где трудилось одно духовенство, на его место был назначен архиепископ Петр. Жил он тут же, в помещении рядом со складом, в маленькой комнате, вместе с епископом Печерским Григорием (Козловым). В то время на Соловках еще действовала церковь преподобного Онуфрия Великого, оставленная для вольнонаемных соловецких монахов, и молитва за службами в храме стала огромным утешением для владыки.

Из Соловков архиепископ Петр старался писать как можно чаще, насколько позволяли условия заключения, почти в каждом письме поминая воронежскую блаженную Феоктисту Михайловну, которую он очень почитал, прося ее святых молитв.

Своей воронежской пастве из Соловецкого лагеря архиепископ писал:

«19 сентября 1927 года... Живу воспоминаниями и храню в своем сердце Богом данную мне паству, за которую молюсь и которую благословляю. Слава Богу за все ниспосланное! Мы за ваши молитвы здоровы и бодры духом. Господь да благословит вас и да благопоспешит вам всем. Ваш богомолец и благожелатель грешный *архиепископ Петр*

...Поздравляю вас, любезная о Господе А. Л., с наступающими праздниками Рождества Христова, Обрезания и Крещения Господня! Молитвенно желаю Вам от Господа всяких милостей и спасения душевного – последнее самое главное:

будет оно, будет и все остальное, только сумеете полюбить Христа, сумеете Им единым дышать, жить, о Нем лишь думать, к Нему стремиться, о Нем беседовать, Его слова в Евангелии читать, заучивать и воплощать в жизни. Сумеете полюбить Христа, и всем около Вас будет тепло, покойно и не тесно. Помолитесь, чтобы и меня Господь научил этой единственно нужной науке. Благодарю Вас и всех, особенно помолившихся и воздохнувших обо мне в годовщину моей разлуки с вами. Этот год и дальность расстояния не только не охладили моего сердца, но я еще более люблю всех вас о Господе и всем благожелаю. Будьте здоровы, мирны и благополучны, и да хранит вас всех Мать Божия и святые святители наши. Мир всем и Божие благословение. Грешный *архиепископ Петр*

Отец Иннокентий плох, если скончается, пришлю телеграмму, и вы все тогда помолитесь об упокоении души его, все почитайте о нем Псалтирь, хотя по одной кафизме в день в течение шести недель, а усердные и до году.

27 декабря 1927 года. Пишу Вам, добрейшая В. А., не только по своему желанию, но и по просьбе умирающего отца Иннокентия, которого только что навещал. Исхудал он до неузнаваемости и говорит еле слышно; положение его безнадежное... Духом он бодр, со всеми примирен, предался воле Божией, по-христиански ожидает смерть, а когда я уходил, то он, не будучи в состоянии поклониться, сделал руками жест, говоря: “прошу вас от меня передать поклон всем”, – что я и спешу исполнить. Да укрепит его Господь! Прихворнул и я немного от простуды. Поболело горло, теперь лучше. Пусть никто не гневается за редкое получение от нас писем, – теперь почта будет ходить реже и к нам, и к вам: больше месяца нет у нас писем. Болит сердце за всех вас. Всей Вашей семье... всем верным Божие благословение и поклон. *Архиепископ Петр*

13 января 1928 года. Вступая в новолетие, приветствую Вас и всех, посылаю вам благословение и искренние пожелания всего лучшего в этой многоскорбной земной жизни. Благодарю вас за заботы в уверенности, что Господь Сам воздаст вам Своими богатыми милостями. Камилавки в свое время получил, благодарю тех, кто соорудил их так хорошо, и благодарность немедленно послал с извещением. Мы пока живы и здоровы, но вестей не имеем почти два месяца, так как доставка почты еще не наладилась, а на аэроплане еще, по-видимому, не надумали. Отца Иннокентия похоронили, горько оплакав потерю его. Но на все воля Божия. Он умер примиренный со всем и со всеми, не произнося ни одного слова ропота или злобы. Мир и благословение вам...

2 марта 1928 года. Вот и первая неделя Великого поста приходит к концу, и теперь надо уже поздравлять с праздником Благовещения, и я поздравляю тебя и всех решительно, молитвенно желаю всем проникнуться небесной радостью и еще большей любовью к Виновнице нашего спасения, нашей Заступнице и Покровительнице. По милости Божией я жив и здоров и бодр духом, все упование мое возлагаю на Господа. Как-то Господь вас милует? Здоровы ли? Благополучны ли? Давно от вас получены еще декабрьские письма, а за это время ничего нет. Видимо, вы еще не получили извещения телеграфного о кончине 24 декабря отца Иннокентия, которому справили уже и сороковой день 1 февраля. Я буду писать теперь лишь раз в неделю, а потому и не ждите чаще и не думайте, что я не пишу, если не будете получать. Всех благодарю за память и молитвы и за поддержку. Все это ободряет и утешает в далекой разлуке. Но любовь нельзя связать, и она действует на расстоянии и молитвенно соединяет людей воедино, и перед Богом мы всегда вместе. Когда откроется навигация, то вы каждую неделю высылайте по пять дикириев и трикириев свечей: стеарин не

надо, также не надо мыла, но в первой посылке пришли клобук, лишь уложи его получше, чтобы не помять его. Прошу молитв. Тебя и всех благословляю. Господь да хранит всех во здравии и благополучии. С любовью *архиепископ Петр*

4 марта 1928 года. Вы, наверное, удивитесь, получивши эту открытку – первую от меня в ряду других Вам и другим. Но не удивляйтесь, а примите за необходимость только. И открытку, и письмо ваше получил. За все глубоко благодарю вас. Не могу выразить словами, как я ценю ваши заботы и как горячо благодарен вам. Ваше участие и ваше попечение скрашивает нашу жизнь и подбодряет дух наш. Если я стал дорог и близок вам оттого, что много выстрадали за меня, то что сказать мне о том, как вы все мне дороги и близки, когда я и страдал, и страдаю за вас всех, да вы спасены будете, но я не унываю и за все Господа благодарю, хотя и не знаю, увижу ли вас или мне придется сложить свои кости около нашего почившего*. Да будет воля Господня! Весьма утешен известием о том, как вы молитесь за почившего, что подаете милостыню и читаете Псалтирь. Всё это – самое нужное для почивших, всё это – насущное питание их душ. За все воздаст вам Господь. Слава Богу, жив и здоров. Зима у нас сиротская, холодов больших не бывает вследствие близости моря; у вас холоднее. Но сырость и влажность воздуха неблагоприятно отзываются на организме – ноют кости, часто простуживаюсь, немного опухают ноги от ослабления сердечной деятельности. Сколько возможно, подлечиваюсь и, конечно, берегусь... Теперь открытки с видами отменены, и я могу писать лишь раз в неделю кому-либо. Прошу Вас всем передать мой привет, поклон и прочее. За всех молюсь непрестанно, всех искренне желаю видеть. Не будем ослабевать духом в скорбях, будем жить надеждой на милосердие Божие. Попросите молитв Феоктисты Михайловны...

9 марта 1928 года. Сердечно благодарю вас всех за память моей хиротонии и рождения, а главное, за ваши молитвы и за то, что сердцем не разлучаетесь со мною. Но не смог исполнить вашего поручения и передать отцу Иннокентию вашего приветов, так как незабвенный для меня отец Иннокентий предстоит уже Престолу Божию и, освободившись от всякия болезни, печали и воздыхания, молится за всех его поминающих и любящих. Я до прибытия сюда никак не предполагал столь быстрого течения его болезни, но здесь для меня стало ясно, чем он болен и что дни его сочтены. С этого момента я стал готовить его к исходу, не скрывая от него. Сначала тяжела была для него мысль о смерти, но затем он вполне примирился с нею и покорился воле Божией... Я по милости Божией пока жив и здоров. Работаю по счетоводству в продовольственном складе, где занимаются одни священники. Тут же живу в малой комнатке вместе с преосвященным Григорием, епископом Печерским из Нижнего. Но здесь пребываю лишь телом, духом же всегда с вами и среди вас, всегда благословляю вас и благожелаю вам. Всех, конечно, помню и всем прошу передать мои поклоны и благожелания. Господь да поможет вам во всем... Надеюсь, что и впредь вы будете писать мне о себе и о своих...

24 марта 1928 года. Глубокоуважаемая и предобрая наша печальница и благодетельница! Если я от юности приучал себя с любовью относиться даже и к тем, кто питал ко мне враждебные и неприязненные чувства, то отсюда можете заключить, какую благодарностью и благорасположенностью наполнено мое сердце к тем, кои и любят меня, и творят мне добро, хотя и не заслуженное с

* Архимандрита Иннокентия.

моей стороны. Но если бы и сего не было, то все равно мое сердце было бы полно любовью, как и есть это, так как духовная связь крепче всяких других отношений, ибо мои чувства диктуются мне моим долгом и моими обязанностями. И как вам, так и мне не придется доказывать мои чувства, ибо вы все хорошо знаете, что переживал и переживаю я ради вашего истинного и вечного благополучия. По любви к вам я и ехал к вам, зная точно, что предстоит мне, любовь же к вам ко всем и разлучила нас, дав вам возможность своими заботами и попечениями соучаствовать мне в настоящем положении. Но зная расположение ко мне и любовь многих, я не обольщал себя мыслью о любви хотя бы большинства. Но я всех люблю, и о всех скорблю, и всем желаю полного благополучия и духовного, и душевного, и просто телесного. Хотя я и интересуюсь вашей жизнью, но я ничего не знаю и за многое тревожусь, хотя теперь и ни за что и не отвечаю. А вы неопытны, и многое вам неизвестно, вследствие чего и ошибки ваши не столь преступны могут быть. Те же, кои должны были бы указать вам правильный путь, кое о чем умалчивают по личным соображениям. Вас и всех приветствую пасхальным приветствием, храня всех в моем искренне любящем сердце».

Архиепископ Петр в своей маленькой комнатке принимал всех, кто желал его видеть и с ним побеседовать, поил чаем и кормил. Вынашивалась мысль о том, чтобы организовать помощь заключенному духовенству. Вскоре лагерной администрации было донесено, что в комнате архиепископа Петра собирается духовенство, и, хотя разговоры здесь велись исключительно на религиозные темы, лагерное начальство решило наказать архиепископа – он был отправлен на Троицкую штрафную командировку 6-го отделения, находившуюся на острове Анзер. В начале октября 1928 года два священника проводили владыку Петра от Соловецкого кремля до Филимонова, где находился в то время архиепископ Иларион (Троицкий).

25 декабря 1928 года архиепископ писал: «От всего сердца приветствую Вас, преподобнейшая, а через Вас без исключения всех моих о Господе чад духовных с праздниками Рождества Христова и Крещения. Непрестанно молю Господа нашего, да хранит Он вас всех в правой вере, в мире, в здравии и благополучии и да благословит Своим небесным благословением. Искренне благодарю Вас и всех за молитвы, память и поддержку. Мысленно всегда с вами и среди вас, особенно в дни наших праздников, когда вы собираетесь в храме, где некогда бывал и я с вами и утешался во взаимном общении о Господе. Несмотря на то, что я давно уже выбыл от вас, ваша жизнь и ваши интересы по-прежнему близки и дороги моему сердцу, как собственные, если не больше, так как из-за служения моего вашему спасению я нахожусь в настоящем положении и месте. Всегда хочется писать каждому из вас, но я могу писать лишь два письма в неделю, а потому приходится и в этом иметь воздержание, прося вас всех не огорчаться на меня за неписание всем, хотя всех содержу в моей молитвенной памяти и в моем сердце... Я за ваши святые молитвы пока жив и здоров и на новом своем, уединенном и пустынном местожительстве. Бодр духом, покоряюсь воле Господней, меня не оставляющей скорбями и испытаниями. Теперь навигация закрылась и почта будет реже еще. Если будете писать, то присылайте открытки на ответ, так как нам трудно доставать открытки... Все присланное получил с благодарностью. Не ослабевайте в молитвах и добродетели, да сподобимся все в свое время милости Господней. Поклон и просьбы о молитвах Феоктисты Михайловны. Предаю вас всех Господу и Его Пречистой Матери. С любовью о

Господе грешный *архиепископ Петр*

15 января 1929 года. Слава Богу за все, что пришлось мне за это время пережить и переживать. Нынешний раз как-то особенно грустно и скорбно я встретил и провожу праздники, как никогда раньше, – ведь шестые праздники провожу вне дома, не с теми, с кем бы желалось. Но все это решительно надо терпеть. Ну что делать? Не так живи, как хочется, а как Бог велит. Писем ни от кого давно не получаю, наверное вследствие закрытия навигации и сообщения на лодках, которые не могут часто курсировать. Наверное, и от меня стали реже приходить, хотя могут быть и другие не зависящие от нас причины. Я пока за ваши молитвы жив и здоров... У нас, по-видимому, настала настоящая зима, с ветрами и метелями, так что ветер едва не валит с ног... Живу в уединенном и пустынном месте на берегу глубокого морского залива, никого не вижу, кроме живущих вместе, и могу воображать себя пустынножителем...»

Незадолго перед кончиной в последнем своем письме архиепископ Петр писал: «Поздравляю тебя, отец Митрофан, и всех с праздником Сретения Господня и молитвенно желаю всем здравия, спасения и всяких милостей Божиих. В этот день исполнится уже десять лет со дня моей хиротонии, а потому в этот день прошу особенно помолиться за меня, да сотворит Господь со мною Свою милость, да дарует мне еще послужить святой Церкви терпением, перенесением безропотным всех скорбей и напастей, покорностью воле Божией, смирением, любовью к ближним, наипаче к моей пастве, и молитвами за нее. А если Бог пошлет по мою душу, то и смертью вдали от близких сердцу. Много мыслей теснится в моей душе, но тесна и мала для них открытка, а потому я и не делюсь ими с вами, хотя бы и желалось. По милости Божией за молитвы многих я пока жив и сравнительно здоров, если не считать ревматических болей в костях. А тяжело и грустно вдали от могилки отца Иннокентия. Молитвенно вспоминал я его, благодаря Господа за то, что Он избавил его от этой жизни и вселил его там, идеже несть болезнь, печаль и воздыхание... По случаю зимы почта еще не наладилась, и я не получаю давно писем ни от кого. Наверное, и вы также, хотя я каждую неделю кому-либо пишу по письму. У нас начались порядочные морозы, и зима вступила в свои права. Как-то вас Господь милует? Всем без исключения верным Господу прошу передать мир, благословение и поклон. Всех да хранят молитвы Матери Божией и святых Митрофана, Тихона и Антония, великих святителей Воронежских. Я по-прежнему живу в уединенном и пустынном месте, за все благодаря Господа и во всем смиренно покоряюсь воле Его. Прошу тебя быть смиренным, не думать о себе высоко, молиться Господу и не впадать в обольщение и прелесть лукавого, который силится прельстить, аще возможно, и избранных, по слову Господа. Мир ти и всем».

В 1928 году на Анзере началась эпидемия тифа; из тысячи заключенных, находившихся в то время на острове, за зиму 1928–1929 года умерло пятьсот человек. Осенью были вырыты большие братские могилы вблизи храма Воскресения Господня, сразу за монастырским кладбищем, и туда всю зиму складывали умерших, а сверху ямы закрывали лапником. Когда началась эпидемия, в Голгофо-Распятском скиту разместился госпиталь. За много лет до этого, 18 июня 1712 года, Мать Божия, явившись монаху Иисусу, сказала: «На этом месте пусть будет сооружен скит во имя страданий Моего Сына. Пусть живут двенадцать иноков и будут все время поститься, кроме субботы и воскресенья. Придет время, верующие на этой горе будут падать от страданий, как мухи». Впоследствии на этом месте было воздвигнуто два храма: каменный в честь

Распятая Господня с приделом в честь Успения Пресвятой Богородицы, где во время эпидемии тифа в эпоху гонений на Церковь, когда монастырь был превращен в концлагерь, разместился госпиталь, и деревянный, Воскресения Господня, под горой, где некоторое время помещался морг.

В январе 1929 года архиепископ Петр заболел тифом и был увезен в больницу, в бывший Голгофо-Распятский скит.

В одной палате с архиепископом лежал ветеринарный врач, его духовный сын. В день смерти архиепископа Петра, 7 февраля, в четыре часа утра он услышал шум, как бы от влетевшей стаи птиц. Он открыл глаза и увидел святую великомученицу Варвару со многими девами, из которых он узнал святых мучениц Анисию и Ирину. Великомученица Варвара подошла к постели владыки и причастила его Святых Христовых Таин.

У находившейся в заключении на Анзере монахини Арсении хранились в то время вещи архиепископа. Она неоднократно посылала владыке постригальную свитку, но всякий раз он отсылал ее обратно. 7 февраля ей сообщили, что кризис миновал и в болезни наступил перелом.

Монахиня Арсения спросила:

– А в чем он лежит?

– В казенной короткой рубашке, – ответили ей.

Тогда она послала владыке свитку, которую он хранил на смерть. Когда ему подали ее, он сказал:

– Как к делу она послала ее. Теперь оботрите меня губкой.

В тот же день в семь часов вечера владыка скончался. Перед смертью он несколько раз написал на стене карандашом: «Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает».

Погребение было назначено на воскресенье 10 февраля. Один из заключенных священников пошел к начальнику 6-го отделения просить разрешения устроить торжественные похороны почившему и поставить на могиле крест. Из кремля, еще когда владыка болел, прислали мантию и малый омофор. В мастерской хозяйственной части заказали сделать гроб и крест. Разрешение на участие в похоронах получили три священника и двое мирян, однако не позволено было торжественного совершения отпевания и погребения в облачении. Через некоторое время стало известно, что начальник отделения распорядился бросить тело владыки в общую могилу, к тому времени уже доверху заполненную умершими. Вечером священники отправились к начальнику и потребовали исполнить данное им ранее обещание. Тот ответил, что общая могила по его распоряжению уже завалена землею и снегом и он не даст разрешения на изъятие из общей могилы тела архиепископа Петра.

Однако стало известно, что это распоряжение лагерного начальства не было выполнено и могила не была зарыта. Заочное отпевание владыки было совершено в канцелярии хозяйственной части, а затем гроб и крест отвезли на Голгофу. Четыре человека копали в это время отдельную могилу напротив алтаря Воскресенского храма. Освободили от еловых веток общую могилу. Владыка лежал в длинной рубахе со сложенными на груди руками, лицо было осыпано еловыми иголочками. Три священника на простыне подняли его из могилы, расчесали волосы, отерли лицо и начали прямо на снегу облачать. Весь он был белый и мягкий, как будто только что умер. Облачили владыку в лиловую новую мантию, клобук, омофор, дали в руки крест, четки и Евангелие и отслужили панихиду. Перед тем как вложить в руку владыки разрешительную молитву, все

три священника расписались на ней.

Монахиня Арсения спросила:

– Почему вы расписываетесь? На молитве ведь не расписываются?

Они ответили:

– Если время переменится, будут обретены мощи владыки, будет известно, кто его хоронил.

Около могилы собралось около двадцати человек. После панихиды, кто хотел, произнес слово, затем опустили тело священномученика в могилу, поставили на ней крест и сделали надпись. Один из хоронивших архиепископа священников рассказывал впоследствии, что, когда зарыли могилу, над ней стал виден столп света и в нем явился владыка и всех благословил.

Весной 1929 года по распоряжению лагерного начальства все кресты на Соловецких кладбищах были сняты и обращены в дрова.

Мощи священномученика Петра были обретены 17 июня 1999 года и находятся ныне в храме священномученика Филиппа, митрополита Московского, в Спасо-Преображенском Соловецком ставропигиальном мужском монастыре.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Священномученик Петр (Зверев), архиепископ Воронежский. Экзегетический анализ первых двух глав Послания апостола Павла к Евреям. Тверь, 2004.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 28-80.

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 272-317